

Панджабият vs «Панджабистан»: специфика этнического национализма жителей Пятиречья (опыт Пакистана)

© Филимонова А.Л.^a, 2023

^a МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5982-9612; alina.filimonova@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается понятие *панджабията* как панджабского этнического национализма. Проанализировав идею пакистанского *панджабията* через призму общих теорий этнонационализма и концепций национализма в Южной Азии, автор определяет его характерные черты и устанавливает связь между специфической формой, которую принял панджабский этнический национализм в Пакистане, и процессом «панджабизации» – ростом влияния панджабцев, наблюдавшимся в государстве с момента его основания в 1947 г.

Этнические национализмы и подпитываемые ими этнорегиональные движения сильны почти среди всех этносов Пакистана; панджабцы, однако, демонстрируют иную модель поведения: в общественной жизни они зачастую отказываются от идеи *панджабията* в пользу продвигаемой государством общепакистанской идентичности (*пакистания*).

Анализ специфики пакистанского *панджабията* позволяет сделать вывод, что «панджабизация» страны затормозила его развитие. *Панджабият* как идея панджабской этнической идентичности уходит на второй план в среде жителей западной части Пятиречья в результате де-факто сложившегося с середины XX в. доминирования панджабцев в Исламской Республике Пакистан.

Ключевые слова: Пакистан, *панджабият*, «панджабизация», «Панджабистан»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 23-28-00293 «Этнонационализм в Республике Индии: автономистские тенденции (Телангана/Андхра, Панджаб) и политика федеральных властей». <https://rscf.ru/project/23-28-00293/>

Для цитирования: Филимонова А.Л. *Панджабият vs «Панджабистан»*: специфика этнического национализма жителей Пятиречья (опыт Пакистана). *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 12. С. 41–49. DOI: 10.31857/S032150750029005-7

Punjabiyyat vs “Punjabistan”: Features of Punjabi Ethnic Nationalism (A Case of Pakistan)

© Alina L. Filimonova^a, 2023

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5982-9612; alina.filimonova@mail.ru

Abstract. The essay focuses on the specific features of Pakistani *punjabiyyat*, which is interpreted as Punjabi ethnic nationalism. Having analyzed the Pakistani *punjabiyyat* in the perspective of classic theories of ethnic nationalism and South Asian nationalism concepts, the author defines its characteristics and explains the connection between the specific form of Punjabi ethnic nationalism in Pakistan and the process of “punjabization” understood as the overwhelming influence of Punjabis in the country, which has begun since its inception in 1947.

Ethnic nationalisms and consequent regional ethnic movements are a typical feature of almost all large ethnic groups in Pakistan. However, Punjabis have not only avoided this behavioral pattern: they commonly renounce their group identity for the sake of the unifying Pakistani ideology (*pakistaniyyat*).

Analysis of the specifics of Pakistani *punjabiyyat* leads us to the conclusion that its growth has been slowed down and hindered by the “punjabization”. *Punjabiyyat* as an idea of the Punjabi ethnic identity has lost to “Punjabistan” perceived as the de-facto social, economic and political dominance of Punjabis in the Islamic Republic of Pakistan.

Keywords: Pakistan, *punjabiyyat*, “punjabization”, “Punjabistan”

Acknowledgement. The research has been carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant № 23-28-00293. <https://rscf.ru/en/project/23-28-00293/>

For citation: Filimonova A.L. *Punjabiyat* vs “Punjabistan”: Features of Punjabi Ethnic Nationalism (A Case of Pakistan). *Asia and Africa today*. 2023. № 12. Pp. 41–49. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029005-7

ВВЕДЕНИЕ

Термин «панджабият» (буквально «панджабскость») впервые публично был использован профессором Панджабского университета (*Panjab University*) в Чандихархе Аттаром Сингхом, который в 1974 г. вместе с главным министром индийского штата Панджаб Гилани Заилом Сингхом посетил пакистанский город Лахор, где участвовал в дискуссии с местными националистами. Данное понятие быстро стало популярным в среде лахорской интеллигенции, где его трактовали как *panjabi shanakhat* – «панджабская идентичность» [1].

ПОНЯТИЕ ПАНДЖАБИЯТА И ПРОБЛЕМА ПАНДЖАБСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Исследователи неоднократно обращали внимание на трудность точного определения термина «панджабият» ввиду его многослойности и обилия субъективных трактовок.

В работах зарубежных исследователей *панджабият*, как правило, фигурирует в трех основных значениях: 1) как общепанджабская идентичность, приравниваемая к национальной; панджабский этнонационализм; 2) как совокупность идей, обосновывающих наличие такой идентичности; 3) как социально-политическое движение, направленное на защиту и распространение этих идей.

Как указывает автор единственной в отечественной историографии работы, затрагивающей проблему *панджабията*, А.В.Бочковская, это понятие в самом широком смысле употребляют для «обозначения принадлежности и/или привязанности к Панджабу, а также для идеи общего культурного наследия панджабцев. В этом контексте оно нередко выступает синонимом к словосочетанию “панджабская идентичность”» [2, с. 584; а также см.: 24].

Панджабият предполагает физическую и/или ментальную инкорпорированность индивидуума в пространство «общего Панджаба» (пандж. *saanjhaa Panjaab*) – культурно-исторического и географического региона, формируемого рекой Инд и пятью её притоками¹. В ходе раздела Индии в 1947 г. область Пятиречья оказалась поделенной на две части: западный Панджаб, он же – пакистанская провинция Панджаб (пандж. *lehandaa Panjaab*, т.е. «заходящий Панджаб», «Панджаб, над которым заходит солнце»), и восточный Панджаб, включающий индийские штаты Панджаб и Хариану (пандж. *charhadaa Panjaab*, т.е. «восходящий Панджаб», «Панджаб, над которым восходит солнце»)².

Панджабская принадлежность может определяться как административно, так и этнолингвистически. В первом случае речь идет о населении пакистанской провинции Панджаб (109,990 млн чел, или 53% населения Пакистана; см. табл. 1) и индийских штатов Панджаб (27,74 млн, или 2,3% населения Индии) и Хариана (25,35 млн, или 2% населения Индии)³. Во втором случае имеются в виду люди, считающих *панджаби* родным языком. В Пакистане таковых 80,54 млн (38,8% населения страны, большая часть проживает в провинции Панджаб; см. табл. 2, 3); в Индии – 33,125 млн (2,7% населения страны)⁴. За пределами Южной Азии количество носителей панджаби составляет около 5,25 млн чел. [4].

¹ Подробнее о географических рамках и истории Панджаба см. [2, с. 584–589].

² Термины *saanjhaa Panjaab*, *lehandaa Panjaab* и *charhadaa Panjaab* вошли в оборот только в начале XXI в. с легкой руки писателей и журналистов по обе стороны границы. В них очевиден протест против «осовременивания» идеи *панджабията* и умаления его значимости; «общий/единый Панджаб» при таком подходе воспринимается как планета, самостоятельно вращающаяся вокруг Солнца (см.: [3]).

³ India Population Census 2011. State Census. Census Organization of India. <https://www.census2011.co.in/states.php> (accessed 05.07.2023)

⁴ India Population Census 2011. Language. Office of the Registrar General. https://censusindia.gov.in/nada/index.php/catalog/42458/download/46089/C-16_25062018.pdf (accessed 06.07.2023)

Таблица 1. **Численность населения Пакистана (по провинциям)**
 Table 1. **Population of Pakistan (by provinces)**

Провинция	Общая численность населения	% населения Пакистана
Панджаб	109 989 655	53
Синд	47 854 510	23
Хайбер-Пахтунхва	30 508 920	14,7
Белуджистан	12 335 129	5,9
Территория племен федерального управления (с 2018 г. в составе провинции Хайбер-Пахтунхва)	4 993 044	2,4
Столичная территория Исламабад	2 003 368	1
Всего в Пакистане:	207 684 626	100

Источник: Pakistan Population Census 2017. Table 11 – Population by Mother Tongue, Sex and Rural / Urban. Pakistan Bureau of Statistics. <https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/population/2017/tables/pakistan/Table11n.pdf> (accessed 06.07.2023)

Таблица 2. **Количество этнических панджабцев в Пакистане (по провинциям)**
 Table 2. **Ethnic Punjabis in Pakistan (by province)**

Провинция	Общее количество панджабцев	% населения провинции
Панджаб	76 629 082	69,7
Синд	2 542 913	5,3
Столичная территория Исламабад	1 047 131	52,3
Хайбер-Пахтунхва	164 298	0,54
Белуджистан	139 207	1,1
ТПФУ	13 759	0,3

Источник: Pakistan Population Census 2017. Table 11 – Population by Mother Tongue, Sex and Rural / Urban. Pakistan Bureau of Statistics. <https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/population/2017/tables/pakistan/Table11n.pdf> (accessed 06.07.2023)

Соответственно, *панджабият* как идея панджабской идентичности также имеет три основных формы проявления. В Индии акцент делается на единстве жителей Пятиречья – индусов и сикхов. В Пакистане – на культурно-лингвистической составляющей «панджабскости», что в первую очередь связано с движением за выход панджаби на государственный уровень. Диаспора же конструирует свой собственный «воображаемый Панджаб» на основании воспоминаний, книг и фильмов [2, с. 583, 589–590].

ПАКИСТАНСКАЯ «ПАНДЖАБСКОСТЬ»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Бытующее в Пакистане представление о *панджабияте* будет рассмотрено нами в двух плоскостях: 1) как отношение пакистанских жителей Пятиречья к общепанджабскому этническому национализму и 2) как отстаивание ими собственной этнической идентичности в рамках Пакистана. Поскольку в обоих случаях базовой чертой пакистанского *панджабията* является его этнический характер, представляется целесообразным определить, как этнический национализм пакистанских панджабцев вписывается в существующие теории этнического национализма.

Особого внимания в этой связи заслуживает концепция *асабийи*⁵, предложенная арабским философом и историком Ибн Халдуном во второй половине XIV в. Важность её, прежде всего, заключается в том, что это первая (и на данный момент единственная) концепция, которую сами пакистанские панджабцы заимствовали для описания своего опыта. Прямой отсылка к ней – труд по истории пакистанского Панджаба, автором которого является политик и публицист Ханиф Рамей: название книги – *Punjab*

⁵ Подробнее см. [5] и [6].

ка *Muqaddimah* (букв. «Дело Панджаба») – обыгрывает название работы Ибн Халдуна *Muqaddimah* («Дело/Процесс»), в которой впервые используется понятие *асабийя*.

Под *асабийей*⁶ в широком смысле слова понимается сплочение людей на том или ином уровне по определенному принципу [7]. Однако важный вывод, к которому пришел Ибн Халдун, состоит в том, что *асабийи* на одной и той же территории со временем могут сменять друг друга: ранее принятые ослабевают и вытесняются более актуальными. Соответственно, сообщества людей, объединенных *асабийей*, распадаются и «собираются» вновь в несколько видоизмененном составе. При этом для каждой общности существует определенный спектр приемлемых/предпочтительных *асабий*, во имя которых она готова трансформироваться, отказываясь от старых и инкорпорируя новых членов. Ибн Халдун в качестве основных типов *асабий* выделял региональные и религиозные. Региональные *асабийи* при этом он считал позитивным явлением в том случае, если они не вступают в противоречие с *асабийей* религиозной.

Панджабият в этом контексте предстает как этнорегиональная *асабийя* панджабцев, как их приверженность идее «общего Панджаба».

Следует отметить, что южноазиатский национализм в разных воплощениях в принципе в большинстве случаев соответствует предложенной Ибн Халдуном схеме: чаще всего они следовали принципу «регион – религия» [8, р. 383]. Общности возникали и отстаивали себя на базе общей религии (религиозный национализм – индульский, мусульманский) или общего региона (территориальный национализм – тамильский, бенгальский и др.).

В этой связи пакистанские панджабцы представляют собой пример того, что выбор между региональной и религиозной *асабийей* может делаться попеременно. Ярко выраженная и политически оформленная к началу XX в. панджабская идентичность в ходе движения за образование мусульманского государства Пакистан уступила исламской идентичности⁷.

Вплоть до середины 1970-х гг. как западные, так и отечественные исследователи не уделяли должного внимания роли этнической принадлежности в конструировании национализма. Однако уже первые работы по этой тематике постулировали превосходство этнического национализма над всеми остальными [9].

Развитие этнонационального дискурса в отечественной историографии демонстрирует тенденцию противопоставления «гражданского/политического национализма» (развивающегося как идеология нации-государства) и «культурного/этнического национализма» (охватывающего нацию-этнос) [10, с. 13–14]. При этом крупнейший отечественный пакистановед В.Я. Белокрыцкий обращает внимание на то, что в мусульманских государствах, подобных Пакистану, эти два типа национализма дополняют друг друга, формируя «ограниченный этнотерриториально-исламский национализм» [11, с. 21]. В такого рода государствах этносы, сохраняя свою культурную самобытность, составляют единую политическую единицу, которая базируется на «надэтническом и суперрелигиозном» исламском варианте восточного национализма [11, с. 15].

Дискуссия о том, какую роль фактор государственности играет в развитии национализма, активно развивалась на южноазиатском материале. С этой точки зрения национализм панджабцев представляет особый интерес: поскольку идея *панджабията* – ни в индийской, ни в пакистанской интерпретации – не предполагает формирования собственного панджабского государства, резонным представляется вопрос о том, как это характеризует его значимость и степень развитости.

Историки и социологи, занимавшиеся изучением южноазиатских обществ, также традиционно разграничивали два типа национализма: способный создать собственное государство и не обладающий достаточными материальными и/или идеологическими ресурсами для этого. Индийский историк Амаленду Гуха обозначает их соответственно как «великий национализм» (*great nationalism*) и «малый национализм» (*little nationalism*) [12, р. 455]; индийский антрополог Бикрам Кешари Рой Бурман – как «протонационализм»/«инфранационализм» (*proto-nationalism/infra-nationalism*) и «субнационализм» (*sub-nationalism*) [13, pp. 693–694].

⁶ *Асабийя* – арабск. «солидарность», «чувство групповой принадлежности».

⁷ Аналогичный процесс в указанный период наблюдался в Бенгалии. Более того, на примере бенгальцев можно проследить дальнейшее развитие гипотезы Ибн Халдуна: единожды побежденная этнорегиональная идентичность со временем отыграла позиции и стала основой для образования в 1971 г. государства Бангладеш. При этом религиозная идентичность как концепт не была полностью отвергнута: бангладешский национализм строился на базе локальной восточнобенгальской культуры, специфика которой во многом определялась её исламским характером (прим. авт.).

Но, наряду с этим, исследователи высказали гипотезу о том, что южноазиатский национализм имеет в первую очередь духовную подоплеку и, сплавивая вполне полноценную нацию, не обязательно требует для себя государства. В числе первых на это указал индийский политолог и историк Бени Прасад: «Одной из важнейших потребностей современной эпохи <...> является разграничение нации и государства. Иными словами – деполитизация концепции национальности, развенчание идеи, что те, кто ощущает себя нацией, должны обязательно составлять собственное независимое государство» [14, p. 86]. Позднее ту же мысль развил соотечественник Прасада, социолог Тхарайлетх Коши Ооммен: «Несколько наций и/или государств сосуществуют в рамках цивилизационного ареала <...> В отличие от европейских, любая южноазиатская нация – это в основе своей культурное единство, для которого не является естественным создавать собственное государство» [15, pp. 2–3].

Ооммен указывает, что отождествление нации и государства началось в колониальный период: южноазиатские националисты мыслили политическими категориями, поскольку этого от них ждали англичане. Нацию понимали как сообщество будущих сограждан. Но множественные нации Индостана, во-первых, могут существовать в разных формах, во-вторых – возникать на основе самых разных принципов. Южноазиатская нация – это любое сообщество, связанное общей культурой. Культура при этом может быть самая разная – этническая, религиозная, территориальная и т.д. [15, pp. 2–4].

Обусловленность *панджабията* языком и территорией придает ему в глазах исследователей особую легитимность: «[в Южной Азии] все основные языковые общности, имеющие территориальную основу, составляют уникальные сущности, т.е. нации/национальности» [15, p. 9].

Таким образом, можно констатировать типологическое соответствие как *панджабията* в целом, так и его пакистанского компонента в частности, критериям национализма, предложенным исследователями непосредственно для южноазиатского региона.

СПЕЦИФИКА ПАКИСТАНСКОГО ПАНДЖАБИЯТА

Пакистанский *панджабият* в значении принадлежности и приверженности общепанджабской культуре представляет собой надгосударственный конструкт: он максимально абстрактен и духовно ориентирован, а его политизация минимальна. На данном уровне определяющей характеристикой идеи *панджабията* является разделенность этноса; и, поскольку раздел 1947 г. затронул панджабцев по обе стороны границы, индийский и пакистанский *панджабият* в своих основных чертах совпадают.

Фактор разделенности оказал непосредственное воздействие на пакистанский *панджабият* также в значении самоорганизации и самопозиционирования внутри Пакистана. Во многом по этой причине в Пакистане – государстве, монополизированном этническим (панджабским) большинством, – национализм этого большинства не стал государственным национализмом: понятие *панджабията* отсутствует в политическом дискурсе Пакистана и не оказывает ощутимого воздействия на пакистанскую идентичность (*пакистаният*⁸).

Пакистанские панджабцы, будучи большинством, тем не менее не ощущают себя вправе навязывать свой этнонационализм окружающим, поскольку *панджабият* как национализм разделенного этноса уже был ими же «дискредитирован». Как отмечает американский историк и политолог Алисса Эйрес, добровольно отказавшись от этнического единства ради идеи Пакистана, панджабцы (опять-таки по доброй воле) поступились *панджабиятом* [17, pp. 78–80]. Это «осознанное предательство» дает панджабцам почву для рефлексии и самобичевания. Но оно же сдерживает потребность «малых» пакистанских этносов в сецессии. При том, что социально-экономическая ситуация в Пакистане складывается в пользу панджабцев уже в силу их численного доминирования, идея *панджабията* не распространяется ими в культурной, общеобразовательной и информационной сферах. И тот факт, что пакистанские панджабцы не транслируют свой национализм (соответственно, не получают жесткой реакции со стороны «малых» этносов), служит одним из гарантов государственной стабильности.

Специфика пакистанского *панджабията* «внутри Пакистана» дополнительно определяется базовыми характеристиками панджабской общности в Пакистане: 1) панджабцы составляют этническое большинство; 2) они экономически и политически доминируют над остальными этносами. Эти характери-

⁸ *Pakistaniyat* – букв. «пакистанскость». Об этом термине и пакистанской национальной идентичности подробнее см. [16].

стики уже на самом раннем этапе развития государства инициировали процесс, получивший название «панджабизация».

Данный термин впервые употребил в 1995 г. пакистанский историк Юнус Самад: в своей статье он описывал ситуацию, сложившуюся в Пакистане после образования Бангладеш в 1971 г. и выражавшуюся в стабильном наращивании присутствия панджабцев в армии и бюрократическом аппарате [18]. При этом важно отметить, что «панджабизации» на декларативном уровне в стране никогда не было; это де-факто сложившаяся социально-экономическая реальность, предпосылки к которой возникли еще в Британской Индии.

По сравнению с другими районами будущего Пакистана, в британском Панджабе еще в XIX в. была отлажена адаптированная под нужды государства военная машина, состоявшая исключительно из местного компонента, лояльного федеральной власти. Повсеместное преобладание панджабцев в армии⁹ сочеталось с обеспечением их экономической самодостаточности за счет передачи панджабским военнослужащим орошаемых земель (так называемых «поселений на каналах» – *canal colonies* [19, pp. 179–180]).

Кроме того, к моменту образования Пакистана панджабцы имели существенный опыт использования урду, поскольку он был провинциальным языком британского Панджаба¹⁰; соответственно, им с самого начала был облегчен доступ к чиновничьей службе.

Вследствие этого Панджаб по большинству объективных показателей был и остается социально благополучнее, экономически стабильнее и финансово обеспеченнее остальных провинций Пакистана [17, p. 70].

После сецессии Восточного Пакистана и образования Бангладеш в 1971 г. «панджабизация» сохранившейся западной части Пакистана изменилась не по форме или характеру, а по особенности восприятия «малых» этносов страны. С потерей восточной части государства панджабцы оказались в абсолютном численном большинстве¹¹, а дисбаланс между пакистанскими этносами стал гораздо более очевидным. Кроме того, у них больше не было необходимости действовать единым фронтом против спланированной их ранее «бенгальской угрозы».

Общая убежденность остальных этносов в тотальном засилье панджабцев постепенно породила с их стороны жалобы на то, что «панджабизация» Пакистана открыла путь к созданию «Панджабистана» [20, p. 55], т.е. системы полного функционального доминирования панджабцев на всех уровнях пакистанского госаппарата [17, pp. 70–71]. При этом важно подчеркнуть, что понятие «Панджабистан», материализовавшееся в 1970-е гг. в массовом сознании пакистанцев, было не апогеем «панджабизации» с точки зрения её интенсивности, а лишь следствием её публичного признания.

Появление «ментального Панджабистана» как навязанное окружающими отождествление федеральной власти с панджабцами значительным образом изменило самовосприятие последних: панджабцы его приняли и стали ответственно относиться к своей роли «оплота Пакистана» – вплоть до отказа от этнической идентичности.

Примечательно, что представители «малых» этносов основными очевидными признаками «панджабизации» считают засилье панджабцев в органах власти и насаждение языка урду; таким образом, в их глазах панджабцы ассоциируются не с языком панджаби, а с языком федерального центра [17, pp. 70–72]¹².

Можно констатировать, что со складыванием «Панджабистана» панджабцы взяли на себя роль «тигровой нации», превратившись (по крайней мере, на уровне элит) в главных поборников урду и пакистанской принадлежности в принципе.

ПАНДЖАБИЯТ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ «ПАНДЖАБИЗАЦИИ»

Преобразование Пакистана в «Панджабистан» оказало существенное влияние на понимание идеи *панджабията* в стране.

⁹ В начале XX в. панджабцы составляли 66% кавалерии, 87% артиллерии и 45% пехоты [20, p. 178].

¹⁰ В Панджабе урду был официальным языком с 1849 г. (прим. авт.).

¹¹ Согласно переписи 1972 г., жители провинции Панджаб составляли 57,6% населения Пакистана (37,6 млн чел.). Pakistan: Provinces and Major Cities (Census Results). City Population. <https://www.citypopulation.de/en/pakistan/cities/> (accessed 13.07.2023)

¹² Очевидно, что язык панджаби, будучи базовой ценностью *панджабията*, не работает как фактор «панджабизации» (прим. авт.).

Прежде всего, можно проследить следующую устойчивую тенденцию: чем дольше сохраняется «панджабизация» Пакистана, тем очевиднее нежелание элиты политизировать идею *панджабията*. Переводу *панджабията* в политическую сферу препятствует и отмеченная выше разделенность этноса; однако «панджабизация» тормозит любые гипотетические подвижки в этом направлении в принципе. Это касается как межгосударственного уровня, так и внутриакистанской политики.

Если в социально-экономической, военной и политической сферах «панджабизация» Пакистана означала реальное наращивание присутствия панджабцев, то в культурной и образовательной сферах панджабский компонент оказался рассеянным – «панджабизация» привела к «превращению» панджабцев в пакистанцев. В публичном пространстве идея *панджабията*, не имея массовой поддержки, сохраняется за счет усилий интеллектуалов, которые видят своей задачей его развитие, прежде всего, в гуманитарной области [21].

Попытки реабилитации панджабского этнического дискурса осуществляются только в культурно-исторической и лингвистической сферах, причем речь идет именно о реабилитации, а никак не общегосударственном доминировании. Сами панджабцы подчеркивают, что *панджабият* – это лишь одна из нескольких этнических культур Пакистана, наряду с другими заслуживающая право на существование [22]. В этой связи исследователи обращают внимание на то, что в *панджабият* (как пакистанский, так и индийский) в принципе не заложена идея сепаратизма. Его риторика лишена прагматизма; она сформирована стремлением вновь обрести «потерянную идентичность», добровольно отвергнутую под воздействием «панджабизации» [17, р. 74].

Панджабият в Пакистане исторически проявляет себя через обращение к единой истории и суфийской традиции, а также через защиту языка панджаби. Ориентация на культурную и лингвистическую сферы позволяет говорить о «бескорыстности» пакистанского *панджабията*. Инициаторы движения в защиту панджаби – уже являющиеся представителями элиты – не имеют материальной заинтересованности в продвижении идеи *панджабията*: оно не повысит их экономический или политический статус. Их активность направлена не на обретение реальных форм власти, а на дивиденды в «экономике символов» (*symbolic economy*) [17, pp. 100–101].

Занимая доминирующие позиции в стране, панджабцы наиболее заинтересованы в сохранении Пакистана как государства. Отсюда следует их готовность жертвовать этническими интересами в угоду общепакистанскому единству.

Наиболее очевидно это в вопросе языка. Показательно, что, в отличие от остальных этносов, панджабцы поддерживают утверждение урду в качестве единственного языка Пакистана на всех уровнях, в т.ч. в ущерб панджаби. По данным социологических опросов, сотни тысяч панджабцев, принадлежащих к урбанизированному среднему классу, в переписях населения указывают именно урду, а не панджаби, в качестве своего родного языка [23].

Панджабские общественно-политические деятели говорят о растущей маргинализации панджабцев, имея в виду не экономическую отсталость панджабцев на фоне остальных пакистанских этносов, а социокультурную депривацию носителей панджаби [17, р. 89]. При этом панджабские интеллектуалы обвиняют в упадке языка своих же соотечественников, в сознании которых владение урду – это показатель престижа, а использование панджаби – признак неотесанности [17, р. 88]. Таким образом, главным врагом идеи *панджабията* оказываются сами панджабцы, добровольно поставившие его на второе место после *пакистанията*.

В сложившейся ситуации можно говорить об общем пессимизме идеи пакистанского *панджабията*, лейтмотивом которого оказывается утраченная идентичность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется, что *панджабият* как идея общепанджабского единства находится в политическом проигрыше: раздел Панджаба в 1947 г. дал большинству панджабцев по обе стороны границы более приемлемые для них формы административной организации. Сикхи индийского Панджаба в результате двух разделов (1947 и 1966 г.)¹³ получили штат, в котором они являются большинством. Мусульмане па-

¹³ В 1966 г. индийский штат Панджаб был реорганизован: из него выделили штат Хариана с хиндиязычным индусским большинством населения (*прим. авт.*).

кистанского Панджаба (т.е. абсолютное большинство панджабцев) не просто имеют свою провинцию, но сохраняют экономическое и политическое доминирование на федеральном уровне.

В случае с панджабцами разделенность этноса не породила движения за политическое переформатирование его территории в одну автономную единицу. Наоборот, факт пусть не абсолютно добровольного, но в любом случае легально признанного раздела, дискредитировал любое политическое конструирование вокруг идеи общего *панджабията*.

Отсутствие автономистских тенденций, связанных с пакистанским *панджабиятом*, дополнительно подкреплено процессом «панджабизации». В этой связи представление о «Панджабистане» можно интерпретировать как политическое выражение пакистанской идеи *панджабията*, объясняющее отсутствие иных проявлений его политизации.

Если *панджабият* – это общая теория, то «Панджабистан» – её пакистанское практическое воплощение, которое находится в сложных отношениях с самой теорией. С одной стороны, «Панджабистан» представляет собой материальное подтверждение позитивной инаковости пакистанских панджабцев, то есть дополнительный аргумент, подтверждающий их уникальную этническую идентичность. С другой – «Панджабистан» как доминирование панджабцев на основании культуры урду силен только при условии латентности идеи *панджабията*. В этом плане пассивность и «миролюбивость» пакистанского *панджабията* отчасти служат гарантией целостности Пакистана.

Вследствие доминирования панджабцев пакистанский *панджабият* направлен не на раскол государства, а на расширение его идеологических основ за счет признания права региональных культур на существование. Можно сделать вывод, что, в отличие от большинства других воплощений этнического национализма, пакистанский *панджабият* конструктивен по отношению к *пакистанияту* как идее общепакистанской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Chandan A. The Romantic Idea of Identity. *The Tribune India*. 2018. April 29. <https://www.tribuneindia.com/news/archive/features/the-romantic-idea-of-identity-581100> (accessed 01.07.2023)
2. Бочковская А.В. Неисчерпаемые источники конфликтов и идентичностей. *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. Рук. проекта И.П.Глушкова, отв. ред. А.В.Бочковская. М.: Восточная литература. 2016. С. 581–595. Bochkovskaya A.V. 2016. Inexhaustible Resources of Conflicts and Identities. *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places*. Ed. I.P.Glushkova, A.V.Bochkovskaya. Moscow. 2016. Pp. 581–595. (In Russ.)
3. Kaur H. Sanjha Punjab and the Idea of Punjabiyyat: A Counter-Discourse to the Rhetoric of Hyper Nationalism. *Dhaara*. 2021. November 25. <https://dhaaramagazine.in/2021/11/25/sanjha-punjab-and-the-idea-of-punjabiyyat-a-counter-discourse-to-the-rhetoric-of-hyper-nationalism/> (accessed 23.06.2023)
4. Nafeez N. 6+ Punjabi-Speaking Countries: An Exclusive Peek. *Ling*. 2022. October 23. <https://ling-app.com/pa/punjabi-speaking-countries/> (accessed 12.07.2023)
5. Ibn Khaldun. 2015. *The Muqaddimah: An Introduction to History*. Princeton: Princeton University Press.
6. Ramey M.H. 1985. *پنجاب کا مقدمہ* (The Case of Punjab). Lahore: Jang Publishers. (In Urdu).
7. Ismail N.F., Abdul Rahim A. 2018. Ibn Khaldun's Theory of 'Asabiyyah and Its Impact on the Current Muslim Community. *Journalism and Mass Communication*. Vol. 8, № 6, pp. 287–294.
8. Wilson J. 2016. *India Conquered*. N.Y.: Simon & Schuster Ltd.
9. Ma Sh. 1990. Ethnonationalism, Ethnic Nationalism, and Mini-Nationalism: A Comparison of Connor, Smith and Snyder. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 13, № 4, pp. 527–541, DOI: 10.1080/01419870.1990.9993688
10. Национализм в мировой истории (под ред. В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана). М.: Наука, 2007. 2007. *Nationalism in World History* (ed. by V.A.Tishkov, V.A.Shnirelman). Moscow. (In Russ.)
11. Нации и национализм на мусульманском Востоке. Отв. ред. В.Я.Белокреницкий, Н.Ю.Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. 2015. *Nations and Nationalism in the Muslim East* (ed. by V.Y.Belokrenitsky, N.Y.Ulchenko). Moscow. (In Russ.)
12. Guha A. 1979. Great Nationalism, Little Nationalism and Problem of Integration: A Tentative View. *Economic and Political Weekly*. February. Vol. 14, № 7/8, pp. 455–458.
13. Roy Burman B.K. 1989. Problems and Prospects of Tribal Development in North-East India. *Economic and Political Weekly*. April. Vol. 24, № 13, pp. 693–697.
14. Prasad B. 1941. *The Hindu-Muslim Questions*. Allahabad: Kitabistan.

15. Oommen T.K. 1999. Conceptualising Nation and Nationality in South Asia. *Sociological Bulletin*. Vol. 48, № 1/2, pp. 1–18.
16. Jabbar J. 2019. What Is Pakistani? 41 Elements of the Unique Pakistani National Identity. Karachi: Paramount Books.
17. Ayres A. 2009. Speaking Like a State: Language and Nationalism in Pakistan. New York: Cambridge University Press.
18. Samad Y. 1995. Pakistan or Punjabistan: Crisis of National Identity. *International Journal of Punjab Studies*. Vol. 2, № 1, pp. 23–42.
19. Yong T.T. 1995. Punjab and the Making of Pakistan: The Roots of a Civil-Military State. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. Vol. 18, № 1, pp. 177–192. DOI: 10.1080/00856409508723250
20. Sheikh F. 2009. Making Sense of Pakistan. N.Y.: Columbia University Press.
21. Paracha N.F. The Other Punjab. *Dawn*. 2015. May 31. <https://www.dawn.com/news/print/1184953> (accessed 25.06.2023)
22. Awan M. A Case of Punjabi Nationalism. *The News*. 2015. July 05. <https://www.thenews.com.pk/tns/detail/558941-a-case-of-punjabi-nationalism> (accessed 25.06.2023)
23. Raj. A. The Case for Urdu as Pakistan's Official Language. *Herald*. 2017. May 11. <https://herald.dawn.com/news/1153737> (accessed 14.07.2023)
24. Подробнее см.; Бочковская А.В. «Панджабский вопрос» и сикхская диаспора: призывы к сепарации в XXI веке. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 11. С. 32–40. DOI: 10.31857/S032150750028610-3
Bochkovskaya A.V. The Punjab Issue and the Sikh Diaspora: Calls for Secession in the XXI Century. *Asia and Africa today*. 2023. № 11. Pp. 32–40. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028610-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филимонова Алина Левоновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия.

Alina L. Filimonova, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 23.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 16.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 25.11.2023